

Владимир Макарченко

Временно проживаю

рассказы

Владимир Макарченко

Временно проживаю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18515062

ISBN 9785447476519

Аннотация

В данной книге собраны рассказы о самых разных людях и разном времени. Герои этих рассказов каждый по-своему переживают какие-то важные моменты. Но, каждый из них оставляет какой-то след.

Содержание

Временно проживаю	5
Родственники	12
Так и было	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Временно проживаю рассказы Владимир Макарченко

© Владимир Макарченко, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Временно проживаю

Рыночек этот не известно от кого получил название «Толкучка», прочно осевшее в памяти горожан. Он стал довольно популярным. Тут всегда можно было отыскать что-то интересное, нужное, а иногда и очень редкое. Здесь развешивали свои полотна местные художники. Чаще всего это были копии картин известных мастеров. Но встречались и персональные творения, вызывавшие восторг сограждан. Они, как правило, выражали собственное впечатление автора от видения окружающего мира. Возле таких полотен чаще всего останавливались группки людей, в полголоса выражавших свои впечатления попутчикам и соседям.

Меня же сюда влекла возможность встречи с редкими экземплярами книг. Книг здесь всегда выставлялось много. Очевидно, трудность жития первых лет безжалостных девяностых сумела возвысить свое «Я» над бережным отношением к частичкам культуры и люди жертвовали вторым ради преодоления первого. Цены здесь были значительно ниже, чем на официальном книжном базаре, временно заменившем опустевшие книжные магазины.

Здесь можно было встретить все. Начиная от вчера только прочитанной внуком, случайно купленной им книги, до изданий, возраст которых значительно превышал возраст их поседевших продавцов. Последние были когда-то гордостью

их владельцев. У одних эта гордость рождалась прочтением каждой новой страницы книги, право на приобретение которой они получили бессонными ночами в длинных очередях, сохраняя на ладони корявые цифры, выведенные «химическим» карандашом на ладони тем, кто пришел первым. Право это оформлялось маленькой почтовой открыткой с записью домашнего адреса, которую принимала у них продавец книжного магазина с видом императрицы, соизволившей принять челобитную от простолюдина.

Другие бывшие владельцы гордились тем, что имели преимущества указать перстом на желаемую книгу в списке, услужливо положенным перед ними представителем «бибколлектора» при его подробной информации об авторе и популярности. Долг служения народу не позволял им опускаться до уровня собственного прочтения всяких там книжонок. Гораздо полезнее было тратить свободное время на выделенных им загородных дачах в окружении «комсомольского резерва».

Первые владельцы-гордецы, как правило, сами выносили на «Толкучку» частицы своей души и расставались с ними с горечью в глазах. Вторые же избавлялись от ненужной теперь макулатуры, срочно производя «евроремонты», в дизайн которых она не вписывалась. А сами книги стали частью платы за услуги каких-нибудь случайных «шабашников». Они и препоручили своим родным обратить их в привычные бумажные банкноты, поскольку завершение всякого

дела «вспрыснуть» надо.

Попасть на распродажу хорошо сохранившихся из-за редкого с ними общения то книг было большой удачей. Сегодня такой случай не представился. Прямо на асфальте, подстелив старые газеты, продавцы книг расставили свой товар шеренгами. Товарный вид их не очень беспокоил. Какой товарный вид нужен потрепанным изданиям, которые они, по их мнению, отдавали «за так»?

Я обратил внимание на опрятную старушку, стоявшую чуть в стороне от других. У ног ее стояла небольшая хозяйственная сумка, «молния» которой была расстегнута. Она стеснительно глядела на суету вокруг себя. Изредка позволяла себе окликнуть кого-то из проходивших и указывала на что-то в своей сумке. Взгляды задерживались на несколько секунд. Затем следовало отрицательное покачивание головой, и человек шел дальше.

– Кто это? – Спросил я у торговки, книги которой рассматривал до того.

– Не знаю. Она тут впервой. Какие-то книги принесла. Спрашивала, где стать можно.

– Что за книги?

– Я не любопытствовала. Показала место, да и ладно. Моей торговле не вредит. Остальное сам расспроси.

Я направился к этой щуплой, седой женщине. Половину ее морщинистого лица занимали яркие, голубые глаза. Они словно бросали вызов долгой веренице прожитых лет, не же-

лая утрачивать свою яркость.

– Простите. – Обратился я к ней. – Мне подсказали, что Вы книги хотите продать?

– Да... – Она как-то странно вздохнула. И в это мгновение глаза ее на какое-то время утратили свой блеск, а морщины стали еще глубже. – Вернее было бы определить, как вынуждена...

– И что Вы предлагаете?

...Женщина наклонилась и развела в стороны стенки сумки. Я замер от неожиданности. В сумке лежали впервые увиденные мной собственными глазами пять томов сборников стихов автора, который когда-то был зачислен в список «певцов белогвардейщины» и запрещен к переизданию. У меня хранились копии этих сборников, выпущенных полуподпольно существовавшим в начале восьмидесятых «самиздатом» – детищем завозимых из-за рубежа новых копировальных установок. Когда-то об их наличии у меня могли знать только очень близкие мне люди.

– И сколько Вы просите за эти книги? – Осторожно поинтересовался я, зная, что приобретение их по реальной цене значительно урежет возможности семейного бюджета.

– Как и все на этом рынке. Сколько дадите...

– Вы понимаете, что Вы теперь продаете?!

– Это уже не запрещено. Я узнавала... – Женщина разволновалась.

– Не о том я! Позвольте? – Я указал рукой на содержимое

сумки.

...Женщина согласно кивнула и я извлек из сумки один томик. От прикосновения к нему кровь застучала в висках. Открыв обложку, я обнаружил на ее тыльной стороне размашистую надпись чернилами, которые уже успели выцвести до желтой бледности.

«Дорогому человеку от скромного автора!» Подпись и дата. Дата... Я держал в руках книгу, которой было без малого сто лет.

Женщина извлекла из сумки остальные четыре томика. На обложка каждого из них оказались подобные дарственные надписи. Последняя дата указывала на двадцатый год прошлого столетия.

– Простите... Откуда это у Вас?

– Они достались мне от моей мамы... Когда-то они любили друг друга. Но не смогли быть вместе. Он эмигрировал, а она осталась в России. Мой дед был красным командиром. Полком командовал. В тридцать седьмом его не стало. Расстреляли. А маму и бабушку в Казахстан... Мама больше не увидела родных краев. А я вот... беженец... Из Таджикистана... Слышали, что там?

– Слыша! Все это слышали.

– Живу с такими же, как и я в общежитии. Пенсию оформляю. Пока вещи были кое-какие, ими торговала. Теперь только они... – Она бережно погладила книги, которые я держал в руках.

– Я не рассчитывал на встречу с Вами. У меня с собой только это. – Я протянул женщине деньги.

– Здесь довольно много. Мне столько никто не предлагал. Таких цен тут мне и торговцы не подсказывали.

– Тут все, что у меня было с собой. Простите... Если Вы мне поверите, я позже доплачу Вам еще столько же. Этого, наверное, тоже недостаточно, но большую сумму я Вам дать не имею возможности. Дайте Ваш адрес и я обязательно к Вам заеду. После получки... Мы сами тут недавно...

– Хорошо. – Спокойно отреагировала женщина и карандашом под дарственной надписью дописала имя, фамилию и свой временный адрес. – Вы не волнуйтесь. Я отдала бы их за любую предложенную цену. Очень деньги нужны на лекарства. Возраст.

Только месяц спустя я смог попасть в общежитие для оплаты своего долга. Когда постучал в дверь, на пороге появилась совсем другая женщина с заплаканными глазами. Посреди комнаты за маленьким столиком сидели еще трое женщин и молодой парень.

– Вы к кому?

Я ответил и внезапно осознал, что опоздал к обещанной встрече. Зеркало напротив меня еще было завешано каким-то черным платком.

– Ее уже нет... Сегодня только в последний путь проводили. Теперь поминаем. Проходите. Кем Вы ей доводитеесь?

...Я не стал ничего объяснять. Горький комок предательски перехватил дыхание, вызывая слезу. Сунув деньги в руки открывшей дверь женщины, я полушепотом попроси:

— Поставьте свечи, кому там положено... Службу закажите... Долг это мой перед ней.

— Хот имя скажите. От кого же все это проделывать.

— Михаил я...

...Вернувшись домой, я снял с полки и открыл тот томик, на котором была сделана надпись карандашом: «Сафронова Мария Алексеевна. Временно проживаю...»

Я никогда не узнаю подробностей: кто она, какова была ее жизнь, были ли у нее родственники. Но встреча с ней оставила какой-то особенный след в моей памяти.

Ее голубые глаза. Временная утрата их блеска, когда приходилось расставаться с самым дорогим, что у нее оставалось от прошлого. И карандашная строчка: «Временно проживаю...»

г. Липецк

май 2009 г.

Родственники

Толпа пассажиров потекла по перрону ко входу в вокзал с такой энергичной поспешностью, что можно было подумать о надвигавшейся на них со спины какой-то уж очень страшной опасности. Сталкивались, запинаясь о чужие вещи, сквернословили, извинялись. И тут я узрел, чуть ли не в самой середине этого пестрого потока, одиноко замершую белую косыночку с голубыми ромашками. Странно, как ее владелица умудрилась остановиться. Сейчас ее сомнут!

Я поспешил на помощь и оказался рядом с женщиной в черных очках. На вид ей было лет около семидесяти. На полное тело было надето цветастое платье с короткими рукавчиками типа «крылышки». К себе она прижимала плетеную корзинку, накрытую таким же платком, как и тот, что был у нее на голове. Выбитый кем-то из рук, у ее ног лежал деревянный костылек, явно выструганный каким-то умельцем простым кухонным ножом.

– Вас, бабушка, запросто с ног сбить могли. Почему никто не проводил? – Выпалил я никчемные к данному моменту вопросы и, подхватив женщину под руку повел ее вслед за поредевшим хвостом бывших пассажиров электрички, предварительно подняв с земли ее костылек..

– Проводили. В Лупановке нашей чуть ни всей деревней провожали. Очень рады были, что внучок у меня отыскался.

Скажи, как узнал меня? Мне советовали, если что, через милицию объявление дать. А тут ты... – Женщина протянула свободную руку и провела в воздухе рукой, чуть коснувшись моего виска. – Ростом в отца пошел?

– Возможно, что в него?

– Жалеешь, что не видел? – Женщина остановилась. Высвободила из моей руки свой локоть и достала из кармашка маленький носовой платочек, которым протерла глаза, подсовывая палец под окуляры очков. – В честь него Иваном назвали, поди?

– Возможно, в честь него. – Отозвался я автоматом и оторопел. – Откуда Вам это известно?

– Мне все про тебя, Ваня, прописали.

– Кто?! – Обалдело уставился я на женщину.

– Энтузиасты какие-то. Соседка моя, Клава, в телевидение чего-то написала. Потом ответы мне читала. Когда же тебя по телевизору показали, я плакала оттого, что Бог зрения лишил за грехи мои. Не видела лица. Потом всей деревней нашей престарелой меня в дорогу собирали. Гостинцев тебе наложили. Рады были, что нашелся. Настаивали, чтобы твоего приезда дождалась. А я вот... Не могла я, Ванюша, откладывать. Каждый день может быть последним. Годы такие. Сына потеряла, так хоть внука нашла.

Боясь перебить женщину, я медленно вел ее к вокзалу.

– Я виновата, что ушел отец от матери твоей. Я. Кажется, что лучше кого подобрать в жены мог. Потому и зудела

с утра до вечера. Гордая была. Как это сын работника райкома на девке из такого семейства женится? Пятеро их было у матери. Все девки. Приезжие. Про отца их и не знала ничего. Забрюхатела мамаша твоя, а я ей такой подарок уготовила. Поняла потом, какой грех на душу взяла. Когда гроб цинковый с телом отца твоего на кладбище провожала. Один у меня был сынок. Следом и деда проводила. Рядом с сыном теперь. Сердце не выдержало. Мы – бабы, народ сильный. Устояла я. Только со временем, от слез видать, слепота нашла. Прости меня за все, Ванюша! – После этих слов женщина поставила у ног свою корзинку и ее руки, пробежав по моей груди, застыли на плечах. В грудь мне уткнулись очки.

Не зная уже, как быть дальше, я посигналил жестами стоявшему в стороне милиционеру, чтобы он подошел к нам.

– Старший сержант Смагин! – Представился милиционер, лихо приложив ладонь к правому виску в воинском приветствии. – Чем могу помочь.

– Вот, бабушка... – Я замялся, не зная, как поступать дальше. – Приехала. Можно к вам в дежурку?

– А что?

– Телефон может понадобиться.

– У тебя сотового нет, браток? – Удивился старший сержант.

Жестами я кое-как убедил его в том, что нам нужно пройти в дежурку.

– Помоги уж внучку. – Обратилась и женщина к милици-

онеру. – Видать, надо так, коли просит.

– Пойдемте уж. – Милиционер осмотрел нас еще раз удивленным взглядом и пригласил за собой.

Усадив женщину на стул в дежурной комнате милиции, я пригласил милиционера выйти за дверь.

– Перекурим! – Обозначил я свое приглашение, хотя сроду не искурил ни одной сигареты.

– Что у тебя? – Догадался старший сержант.

– Понимаешь, друг, случай такой получился... – И я выложил ему события, которые произошли со мной за последние пять-десять минут.

– И она решила, что ты тот самый внук?! – Воскликнул старший сержант, выслушав мой рассказ.

– В том и дело все!

– Вот те на!

– И я про то же. Что делать теперь? Дурак. Сразу не оставил. Теперь что-то придумать бы надо. Боюсь травмировать своими сообщениями. Чует она, что времени мало для общения с внуком имеет. Настырная! Без провожатых на электричке укатила, хотя еще и слепая. – Я виновато глядел на милиционера, словно это его я подвел своим вниманием. – Попроси дежурного по вокзалу объявить, чтобы встречающего, такого-то, ожидают в комнате милиции. Говорила, что должен был внук встретить. Вроде, телеграфировала о приезде.

Я вернулся в комнату милиции и застал женщину выкла-

дывавшей на стол пирожки домашнего печения и баночку с медом.

– Есть где чайку набрать? – Обратилась ко мне женщина, как только я вошел в комнату. – Хочу угостить вас с товарищем милиционером.

– Не надо, бабушка. Он занят. А ваши гостинцы и дома понадобятся. – Попросил я.

– Хорошо, Ванюша. Оставь ему пару-тройку пирожков, на потом. Медку отлей в стаканчик. Медок у Клавдии славный. Всем нравится.

«Встречающий... Вас ожидают в дежурной комнате милиции!», несколько раз повторила трансляция вокзала. И тут же появился хозяин кабинета.

– Слышал? – Шепнул мне на ухо.

– Гляди, Ванюша, однофамильца твоего вызывают. Сюда кажется. А зачем? Надо же такое. И имя твое... – Женщина замерла на стуле, прислушиваясь.

Прошло минут десять, но на пороге никто не появился.

– Повтори, друг. – Попросил я старшего сержанта.

Снова прокричала трансляция.

– Опять зовут. Его же! – Старушка покрутила головой, словно хотела разглядеть нас с милиционером. – И опять сюда... Что случилось, товарищ милиционер?

Старший сержант посмотрел на меня с укоризной и развел руками.

– Вот мой адрес. – Я начеркал свои данные на клочке газе-

ты, лежавшей на столе. — Коли понадобится, найдешь. А мы с бабушкой пока ко мне. А как иначе? У меня жена медик. Хотя как-то спокойнее за нее будет. Пошли. Накурились уже!

Женщина сидела, оперев подбородок о ладони, сложенные на ручку костылька.

— Чего вы все шепчитесь? Случилось что? — Бледность лица ярко подчеркивалась черными окулярами очков. — Что-то на сердце как-то не по себе. Водичку дай, сынок. Тут у меня таблеточки.

Женщина выпила таблетку и откинулась к стене.

— Посидим немного. Сейчас пройдет... Потом и поедем, Ванюша...

Только все получилось совсем иначе. На пороге почти одновременно возникли врач с медсестрой и какой-то очень растерянный мужчина моего возраста. К тому времени старушка дышала глубоко и отрывисто, сопровождая каждый свой вздох стоном.

— Вовремя вы меня! — Заявил, наконец, доктор, поколдовав над больной. — Кто ее родственник? Будете сопровождать?

В машине «скорой» мы сидели рядом с моим ровесником. Он оказался именно тем внуком, который должен был встретить эту мою случайную бабушку.

— Опоздал, Иван! Машина заглохла. Жена с сыном так и ждут там. Километров с десятков не доехали. Пока добрался! — Оправдывался настоящий внук. — Отчего она так, док-

тор? Может, догадалась чего и расстроилась?

– От радости, парень! Послушал я вас тут. В ее возрасте внука найти! С ее-то сердцем! Хорошо еще, что так. Поставим на ноги. А если бы в дороге? И не свиделись бы. Вишь, как к тебе спешила.

– К нам спешила, доктор! – Я повернулся к тезде. – Не возражаешь? Судьба видать так захотела. Детдомовский я. Это – первая в моей жизни бабушка. Хоть увидеть не сможет, так сердцем своим согреет. Мы ей правнуков для веселья подкажем. Когда на ноги встанет. Скажу своей жене все, как есть. Обрадуется, что родственников нашли... Она тоже из детдома.

– Хорошо ты решил, тетка. Правильно. Мне и самому так подумалось. – Иван протянул мне для рукопожатия свою руку.

08.12.09 г.

Так и было

– Отстань! Отстань, говорю! – Дед сердито отодвинулся от внучки на другой конец скамейки. – Сколь разов про одно и то же говорить? Все уже тебе говорено. Дай спокойно в окошко поглядеть!

Дед Фрол мог смотреть в окошко только одним подслеповатым глазом. Второй отняла у него война, выдав взамен орден «Красной Звезды» и белый билет, освободивший его на всю оставшуюся жизнь от общения с военкоматом. Он трепал своей сухонькой рукой свою «цыганскую», как обозвала ее баба Липа, взлохмаченную бороду. Борода его, на удивление всем ровесникам, только местами впустила в себя беленькие полосочки седины, оставаясь цвета воронового крыла.

– Деда! Ну, расскажи, как фашисты у тебя глаз отняли. Я не помню... – Нарочито врала внучка, чтобы еще раз услышать увлекательный рассказ своего любимого прадеда.

Дед Фрол отворил маленькую створку небольшого окошка, по старости лет дома уже смотревшего не выше пояса проходивших мимо прохожих. Чтобы хоть как-то отгородиться от этого «безголового» мира, они с Липой посадили у окошка кустик желтой акации, которая в это время своими яркими цветами привлекала к себе работающих пчел, за которыми и любил наблюдать дед.

– Ты лучше глянь, как пчелки-то трудятся! Люди бы так... Где им! Эх! – Дед расстроено махнул рукой и отвернулся от окошка. Он погладил по головке правнучку и снова придвинулся к ней. Теплая улыбка проглянула сквозь густую заросль на лице. – Так и быть. Слушай...

Правнучка прильнула к Фролу и затихла в ожидании рассказа.

– Служил я, как уже сказывал, в полковой разведке. А где, по-твоему, должен служить настоящий казак? К тому времени уж старшим сержантом ходил и три медали имел. Все – «За отвагу»! Командовал нашим взводом капитан Шмелев. Отчаянный, скажу тебе, парень. Дай Бог ему долгой жизни, коли, еще не прибрал к себе. Хотя и офицер, а с солдатом крепкую дружбу водил. Горой за всех стоял. А проштрафился – держись! Семь потов стонит. И матом прогонит до селезенки, и марш-бросок устроит, до упаду. Но не стукнет наверх. Мы его тож, однозначно, глубоко уважали. Потому старались держаться в рамках. Ну, не без того, и пошалить доводилось... Только тебе, сопливая, про то еще рановато знать-то! Вырастешь, может, расскажу когда.

Только бабе Липе не пересказывай! Она меня скалкой зашибет. С кем тогда разговоры о войне говорить будешь?

– Не перескажу. – Пообещала внучка. – Ты рассказывай, дедуля. Всегда отвлекаешься.

– А ты меня не учи! Когда под стол ходить перестала? А туда же! Заслужонного фронтовика учить! – Фрол рассме-

ялся своей шутке и продолжил. — Так вот! Разведка значиться! Это тебе не на полевой кухне за счет солдат отъедаться! Это — выше чем гвардия! Поняла? Капитан Шмелев — главный разведчик полка. Так вот. Воевали мы во ту пору в Молдавии. Красивая, скажу тебе, земля! А какое вино! Ох, и напились же мы его там однажды вволю. Городок махонький взяли, а там винзавод был. Немцы его, отходя, подорвали. Сволочи! Сколь доброго продукта извели! Только все уничтожить не успели. Взвод наш во ту пору, вместе со штабной ротой, в это городок и угодил. Идем по улице, а по ней с бугра ручьем кипучим вино льется. От одного запаха голова кружилась. И что? Добру надо было пропасть совсем? Не для того город брали. Тут и началось. Стали во все емкости, какие под руку подвернулись этот ручей сливать. Впрок, стало быть. А сами помаленьку и в себя вливали. А там все в одно смешалось: и вина, и коньяки. Крепкая, скажу тебе, зараза ручьем текла... А тут остальные силы полка подтянулись и укрепления сооружали. А гонцы стали от окопов к нам бегать, за сугревом. Тут-то мы — короли. Меняли, кто на что горазд. Да особист пронюхал. А может, самому мало досталось... Только, осатонел совсем! Сколь народу трибуналом запугал. Может и арестовал бы кого, только знал, боле нас ему известно было, что утром в новую атаку полк подымут. Передыху не будет. Вот тогда-то и вызвали Шмелева в штаб полка. Задание, значиться, получить должен. А он, как есть хмельной. Нельзя сказать, что в усмерть. Но при-

лично хлебнул от радости такого изобилия. Сначала там хотели ему мозги промыть, но из дивизии звонок поступил, чтобы ускорили доставку «языков». Куда комполка деваться? Велел Шмелеву подобрать тройку человек, которые еще не очень приложились, и быстрым шагом за линию фронта. Я в то число и попал. Крепок здоровьем был. Меня самогоном-то свалить нельзя было, а тут какой-то квасок сладенький. Еще пару таких парней оказалось под рукой. Первоначально нас Шмелев приказал из колодца водичкой полить. Сам пару раз окатился. А уж затем мы на задание и отправились. Двумя группами. В одной Шмелев с двумя бойцами. В другой, я с Женькой Кулешовым. Мы с ним завсегда в паре за «колючку» ходили. Немец еще, после того, как ему пинка днем дали, в себя окончательно не пришел. Все укреплялся. Шумно было у него на позициях. Нам то на руку. Только ракетами больно пулял. Одну за другой. Они у него такие, с парашютами. Зависнут, сволочное отродье, и словно днем становится. Все видать вокруг. Добрались мы с Женькой до окопов их кое-как. Затихли, высматривать, кого удобней взять, стали. А он все ракетами обвешивается. Ни охнуть, ни вздохнуть. Замерли, как покойники. Через какое-то время стал пореже своих светляков вешать. Тут-то нам и повезло. Офицер ихний в десяти шагах от нас остановился. В руках бутылка с напитком каким-то. Женька, тот немного наловчился по ихнему болтать. Говорил, что со школы еще языком их увлекался. Вот он и переводил мне, что офицер тот кого-то

по всем статьям кроет самыми бранными словами. Вроде, требовал просить подкрепления, но его так старшее начальство отщербучило, что теперь горевал и горечь свою шнапсом каким-то размывал. А сам к стенке окопа прислонился, спиной к нам, и все бурчит про обиды свои. Тут мы его с Женькой и скрутили. Тряпку в рот запихали, чтобы не визгнул, да и поволокли в сторону своих окопов. Потом заставили немца короткими перебежками, пока ракеты нет, передвигаться. Видать, не очень он способен был к таким прогулкам. После третьей пробежки уже запыхался. Стал просить, чтобы попить ему дали. Открыл Женька фляжку свою, ему протянул. Тот глотнул. Посидел немного, удивленно на нас глядячи, а затем так припал к фляжке, что Женька еле отобрал. От этой картины самому пить захотелось. Залпом сделал несколько глотков. Тут-то и понял, отчего пленному так питье наше по нраву пришлось. Забыли мы с Женькой свой запас из винного ручья пополненный на водичку заменить. Ясно дело, голова у меня немного потяжелей стала. А немца-то совсем развезло. На следующей пробежке и половину дистанции не осилил. На ногах не стоит. Решили мы с Женькой тащить его волоком. Хорошо, хоть не жирный попался. Поволокли. По дороге воронка попалась. В нее заползли, чтобы дух перевести. И вовремя, скажу я, заползли. Тут же по соседству, в другой воронке, немецкие солдаты обнаружили. Толи от нашей передовой ползли, толи к нам за языком наладились... Только встретились вот так. Тут же и де-

маскировка получилась. Орать они стали. Своих на помощь звать. Да еще из автоматов по нашей воронке застрекотали. А с немецких позиций ракеты в нашу сторону полетели. Так светло стало, словно солнце взошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.